

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУПП В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Научный руководитель – профессор Ф. Я. Коновалов

Одним из факторов, который оказывал значительное влияние на отношения власти и общества в России во второй половине XIX – начале XX в., являлся национальный вопрос. Особенно острым он был в отношении одной национальной группы – евреев.

Данное исследование посвящено степени и характеру участия евреев в российском революционном движении.

В литературе имеются крайне противоречивые сведения по данному вопросу. Так, историк Ю. О. Гессен сообщал, что в 1880-х гг. евреи составляли 6,5 % от общего числа революционеров, и хотя позже этот процент возрос, но все равно не превысил 8 % [1]. А С. Ю. Витте полагал, что, «составляя менее 5 % населения России, 6 млн. из 136 млн., евреи рекрутируют из себя 50 % революционеров» [2]. На этой же позиции о едва ли не доминирующей роли еврейства в русской революции стояли такие историки, как Г. П. Федотов, В. В. Шульгин, А. Гейфман и др.

Обе эти полярные точки зрения не лишены, на наш взгляд, основания и заслуживают внимания. Однако нельзя не заметить, что оценки ученых отличаются друг от друга почти в 10 раз, поэтому вопрос о роли данной национальной группы в революционном движении остается открытым.

Для собственных изысканий нами был привлечен сравнительно узкий материал, относящийся к Вологодской губернии и характеризующий вологодскую ссылку второй половины XIX – начала XX в.

В качестве источников были использованы личные дела ссыльных, хранящиеся в ГАВО в фонде губернатора (фонд 18). В ходе сплошного просмотра дел за 1880–1917 гг. из имеющихся 389 дел 118 относятся к евреям (30 %).

Сложность выявления одной национальности из общей массы революционеров заключалась в том, что этот признак в дореволюционной учетной документации не фиксировался. Его заменяло понятие «вероисповедание». К сожалению, зачастую не указывалось и это. По-

этому исследователю часто приходится вычислять соответствующую национальную группу по именам, что не всегда надежно.

Чтобы подтвердить или опровергнуть полученный нами результат, обратимся к биобиблиографическому словарю «Политическая каторга и ссылка» [3], на сегодняшний день наиболее полному перечню имен революционеров на общероссийском уровне. Из 3189 имен сборника 595 – еврейские (18,6 %). Вычленение же доли еврейства в ссылке, взятой на примере Архангельской губернии по биобиблиографическому словарю М. Н. Супруна, С. Я. Косухиной «Политическая ссылка на Европейском Севере в конце XIX – начале XX в.» [4], дает примерно ту же цифру – 20 % (181 имя из 878).

Таким образом, по архивным и письменным источникам количество еврейских революционеров колеблется в рамках 20–30 %. Эти цифры, как видим, отличаются как от данных Ю. О. Гессена, так и от данных С. Ю. Витте.

Будучи сосланными за революционную борьбу, евреи и в ссылке продолжали заниматься противоправительственной деятельностью. Это объясняется следующими причинами.

Во-первых, подавляющее большинство еврейских революционеров – люди молодого возраста: моложе 25 лет – 72 %, 25–35 лет – 23 %.

В силу своего возраста молодежь более мобильна, более конфликтна, острее переживает несправедливость в чем бы то ни было, желает выйти за рамки семейного быта, стремится самоутвердиться в общественной деятельности.

Во-вторых, 91 % ссыльных евреев – люди грамотные, что давало им, бесспорно, преимущество перед другими представителями политической ссылки. И хотя в анкетах часто записано «домашнее воспитание», при знакомстве с личными делами ссыльных видно, что сами анкетные данные, ходатайства, просьбы и прочее написаны ими собственноручно, грамотно, на хорошем русском языке. Из этого можно сделать вывод, что «домашнее воспитание», столь распространенное в еврейской среде, давало образование, по крайней мере, выше начального.

Наконец, сами условия ссылки стимулировали «поднадзорных» к проявлению активной общественной позиции.

Если у ссыльных других национальностей при избрании места ссылки принималось во внимание их образование, семейное положение и другое, то евреи всегда направлялись в отдаленные места губернии. Вследствие этого в городах Яренск, Усть-Сысольск, Никольск и селе Усть-Кулом почти всегда существовали довольно многочисленные группы еврейских ссыльных. Помещение в условия худшие, чем представителей титульной нации, не могло не раздражать, а следовательно, и подталкивало евреев к активной борьбе за свои права.

Политические ссыльные получали от казны небольшое пособие. Так, в городе Вологде в 1907 г. привилегированные (то есть с образованием не ниже среднего) получали 11 рублей в месяц, непривилегированные – 8 рублей в месяц. Одежные деньги составляли 42 рубля в год [5]. По свидетельству самих ссыльных, получаемых от государства средств катастрофически не хватало, так как самый минимальный расход на питание в самых отдаленных частях губернии составлял 12 рублей в месяц [6].

Без подработки ссыльным было очень тяжело прожить в ссылке. «Положение о полицейском надзоре» 1882 г. содержало целый ряд статей, которые запрещали ссыльному заниматься некоторыми видами деятельности. Среди запрещенной деятельности значились: 1) педагогическая деятельность (репетиторство); 2) прием к себе учеников для обучения искусству и ремеслу; 3) чтение публичных лекций; 4) журналистская деятельность.

Запрещалось работать в государственных, учебных, медицинских заведениях. Разрешалось только занятие физическим трудом и сельским хозяйством [7]. Таким образом, традиционные для евреев занятия – репетиторство, торговля, журналистская деятельность – были запрещены для ссыльных законом. Занятие же ремеслом (чаще всего требующее высокой квалификации – ювелирное, шляпочное, портняжное) было невозможно в экономически неразвитых районах – обычных местах водворения евреев.

Отдельного изучения заслуживает состояние здоровья ссыльных. Заболевания до ссылки, суровый климат Вологодской губернии, психологическая изоляция революционеров приводили к ухудшению состояния здоровья. Самыми распространенными заболеваниями среди ссыльных являлись туберкулез, суставный ревматизм и нервные расстройства. Местные врачи обычно не могли оказать квалифицированную помощь. Для проведения операций в другом городе ссыльные вынуждены были обращаться к губернатору: «Головная боль, сердцебиение, удушье в горле, нервные припадки, при которых теряю сознание, – ставят мою жизнь в опасность. Кроме того, страдаю желудочной болезнью....Прошу переменить мне место ссылки вместо г. Яренска на г. Вельск или Тотьму», – читаем мы в одном прошении [8].

Очень важным обстоятельством, которое редко когда находит достойное освещение в литературе, является сложность психологического состояния ссыльных. Она заключалась в том, что революционеры оказывались в изоляции от привычных условий жизни. Изоляцию ссыльных можно условно разделить на 3 основных вида: географическая, культурно-политическая (они размещались вдали от центров общественной и культурной жизни), семейная. Эти обстоятельства приводили к психологической нестабильности в жизни ссыльных.

Все это подталкивало ссыльных евреев к активности. При рассмотрении попыток ссыльных продолжить революционную деятельность в ссылке можно выделить несколько способов.

Одним из средств борьбы за улучшение жизни в ссылке являлись прошения и жалобы ссыльных и их родственников, которые занимали значительную часть переписки. Самая большая группа заявлений на имя губернатора – это прошения о переводе в другую местность. Например: «Я, Хаим Иуда Гилев Иоффе, административный ссыльный села Усть-Кулом... обращаюсь к вашему превосходительству со следующим ходатайством: 1-го февраля 1912-го года я кончаю срок ссылки и, находясь в таком отдалении от железной дороги, я не имею материальных средств добраться до моей родины.... Ввиду этого, честь имею покорнейше просить вашего превосходительства войти в мое семейное положение и разрешить мне последним пароходом переехать в один из городов, близлежащих около железной дороги, как то: Сольвычегодск, Грязовец или Кадников» [9]. Причинами отказа могли служить недостаточная, по мнению властей, обоснованность причины перевода, а также мнение уездного исправника, которое играло часто решающую роль в вопросе о переводе ссыльного. Следует отметить, что ходатайства часто удовлетворялись.

Евреи активно состояли членами, иногда руководителями партийных групп ссыльных.

Представители местной власти стремились направить в один населенный пункт участников различных конкурирующих между собой политических организаций, полагая, что в этом случае они не смогут достичь единодушия.

На момент прибытия в ссылку в Вологодскую губернию революционеры-евреи принадлежали к следующим партиям: члены Бунда – 67%; эсеры – 25 %; прочие партии – 8 %.

Как более грамотные, ссыльные евреи в местах поселения выделялись большей активностью. В Усть-Сысольске одним из главных руководителей существовавшей социал-революционной группы был еврей по фамилии Керш-Кирш [10]. В Никольске так называемым неформальным лидером являлся административный ссыльный Шмуль Филлер. Он сумел объединить около себя всех ссыльных в городе (независимо от национальности), получал корреспонденцию для других на свое имя, временно давал приют у себя в доме вновь прибывавшим ссыльным [11].

Великоустюгская группа партии РСДРП особенно богата на еврейские имена. Видными ее членами являлись Фридман, Бронштейн, врач Левитеки, а руководящий пост наряду с другими лицами занимал Абрам Гельтман [12].

Почти во всех районах губернии функции агитаторов и библиотекарей выполняли лица еврейской национальности: в Усть-Сысольске – Лев Коновалов [13], в Никольске – Залман Бенцианов Зысканд [14], в Вельске – Сандлер и Цорн [15], в Вологде – Гирш Леонид Васильевич, Берг Гецель Мовшевич [16].

Также не следует забывать, что евреи, как никакая другая национальная группа, попав в новое незнакомое место, активно использовали и свои диаспорические связи. Поэтому часто именно евреи были тем «мостиком», связывавшим ссыльных и вологодских обывателей, без которых революционная деятельность в ссылке была практически невозможна.

Приведем пример: в вологодской группе РСДРП видными членами состояли Абрам Говшев Ходаров, Ушер Гершков Зелюк, Алексей Ефремов Аксельрод с женой, Алексей Нухимов Гольденштейн, Камаринец и др. [17]. В состав группы со временем были вовлечены вологжане: Берг Мовшевич (служил на городском водопроводе, был ответственным за пропаганду среди рабочих), Гнеся Маневич (бывшая учительница, член технической группы), Мария Берковна Гершенович (владелица шляпочного магазина, получала партийную переписку) [18], Леонид Гирш (сын сторожа еврейской синагоги, ответственный за устную пропаганду и распространение нелегальной литературы) [19], Лия Брусина (на ее квартире была обнаружена подпольная типография) [20]. На примере этих людей видно, что недовольство национальной политикой царизма подталкивало еврейских обывателей к борьбе против правительства.

Еврейский компонент – заметное явление в вологодской ссылке. Подвергшиеся репрессиям правительства, революционеры и в ссылке продолжали заниматься антигосударственной деятельностью. Это выражалось в таких формах протеста, как подача жалоб на плохие условия содержания, ходатайства по различным поводам до организации партийных групп ссыльных. Во многом благодаря такой национальной черте, как корпоративность, евреи часто являлись связующим звеном между вологжанами и ссыльными.

Примечания

1. Гессен Ю. «История евреев» Т. 1. – СПб., 1914. – С. 280.
2. Евреи и русская революция / Под ред. О. В. Будницкого. – Москва; Иерусалим, 1999. – С. 3.
3. Политическая каторга и ссылка. Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. – М., 1934.
4. Супрун М. Н., Косухина С. Я. Политическая каторга и ссылка на Европейском Севере в конце XIX – начале XX в. Краткий биобиблиографический словарь. Вып. I. 1895 – 1905 гг. – Вологда, 1989.
5. ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 130. Л. 6.

6. Там же. Ф.108. Оп. 5. Д.102. Л.41.
7. Полное собрание законов Российской империи. Т. 2. – СПб., 1886. – С. 84.
8. ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 280. Л. 24.
9. Там же. Д. 132. Л. 25.
10. Там же. Д. 106. Л. 32.
11. Там же. Л. 39 об.
12. Там же. Д. 37. Л. 64.
13. Там же. Д. 108. Л. 200.
14. Там же. Д. 67А. Л. 122.
15. Там же. Д. 102. Л. 70.
16. Там же. Д. 40. Л. 120.
17. Там же. Д. 37. Л. 70.
18. Там же. Д. 38. Л. 202–207.
19. Там же. Д. 37. Л. 21.
20. Там же. Л. 61 об.